

Научная статья

УДК 94(47)“1906/1917”

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.10

Правые в думских избирательных кампаниях и в Государственной думе (1906—1917)

Игорь Владимирович Омелянчук

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия, Omeliyanchuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7535-2612>

Аннотация. В статье рассматривается участие правых (монархистов, черносотенцев, консерваторов) и умеренно правых (русских националистов) в думских избирательных кампаниях, а также их работа в Государственной думе. Изначально настроенные против введения в политическую систему представительного учреждения с законодательным статусом, правые, тем не менее, откликнулись на призыв государя прислать в Государственную думу «лучших людей» и приняли участие в выборах. Электоральные результаты монархистов улучшались от выборов к выборам. Если их участие в работе I Думы осталось незамеченным, то в следующей им уже удалось сформировать свою фракцию, а в III и IV они получили около трети депутатских мест. Мешавшие правым добиваться результата в первых избирательных кампаниях нехватка денежных средств, отсутствие в их рядах «интеллигентных сил» и авторитетных лидеров, а также неконкурентоспособность консервативной печати сохранились и в дальнейшем. Не смогли они воспользоваться и своим преимуществом — достаточно широкой всесословной поддержкой. Однако окончание первой Русской революции, активное вмешательство администрации в выборы и новый избирательный закон радикально изменили ситуацию. Сыграло свою роль и появление в правом лагере умеренно правого Всероссийского национального союза, не вызывавшего столь резкого неприятия умеренных слоев общества. Получить парламентское большинство правым так и не удалось, однако в III и IV Думах им удавалось влиять на работу народного представительства. Но в годы Первой мировой войны позиции думских правых слабели вместе с ослаблением власти и падением влияния монархической идеологии и привели их к закономерному краху еще до падения самодержавия.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, правые, монархисты, националисты, выборы, избирательный закон.

Для цитирования: Омелянчук И. В. Правые в думских избирательных кампаниях и в Государственной думе (1906—1917) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 2 (54). С. 209—232. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/54/10_54_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.10.

Original article

The Rightists in Duma Election Campaigns and in the State Duma (1906—1917)

Igor V. Omelyanchuk

Moscow City University, Moscow, Russia; Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia, Omeliyanchuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7535-2612>

Abstract. The article examines the participation of the rightists (monarchists, Black Hundreds, conservatives) and moderate right-wingers (Russian nationalists) in the Duma election campaigns, as well as their work in the State Duma. Initially opposed to the introduction of a representative institution with legislative status into the

© Омелянчук И. В., 2025

political system, the rightists nevertheless responded to the sovereign's call to send "the best people" to the State Duma and took part in the elections. The electoral results of the monarchists improved from election to election. If their participation in the work of the First Duma went unnoticed, later they managed to form their own faction, and in the III and IV they received about a third of the seats. The lack of funds, the absence of "intellectual forces" and authoritative leaders in their ranks, as well as the uncompetitiveness of the conservative press, which prevented the rightists from achieving results in the first election campaigns, remained typical of this movement for a long time. They also failed to reap the benefits that they could have, that is a fairly broad support across all the social classes. However, the end of the first Russian revolution, the active intervention of the administration in the elections and the new electoral law changed the situation radically. The emergence of the moderately right-wing All-Russia National Union in the right camp, which did not cause such a sharp rejection of the moderate strata of society, also played a role. The rightists never managed to obtain a parliamentary majority, but in the III and IV Dumas they managed to influence the work of the people's representation. But during the First World War, the positions of the Duma rightists weakened along with the weakening of power and the decline in the influence of monarchist ideology, and led them to their inevitable collapse even before the fall of the autocracy.

Keywords: Russian Empire, State Duma, the rightists, monarchists, nationalists, elections, electoral law.

For citation: Omelyanchuk I. V. The Rightists in Duma Election Campaigns and in the State Duma (1906—1917). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 2 (54), pp. 209—232. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.54.10>.

Введение

Проблема участия в думских выборах и думской работе представителей правого лагеря (к которому в данной работе отнесены националисты и партии, расположенные правее их в политическом спектре) не является новой для отечественных историков [10; 14; 16; 37; 45; 65]. Однако считать все вопросы в ней окончательно разрешенными, думается, пока нет оснований.

Целью работы является исследование участия монархистов в думских избирательных кампаниях и их законодательная работа в Государственной думе в 1906—1917 гг. Для ее достижения предполагается рассмотреть участие правых в думских избирательных кампаниях; выявить причины успехов и неудач монархистов в электоральных сражениях; рассмотреть процесс формирования правых и умеренно правых (национальных) парламентских объединений в Государственной думе и выявить характер их взаимоотношений; исследовать особенности парламентских практик правых, умеренно правых и национальных фракций; выявить причины их внутренних конфликтов, расколов и краха.

Результаты исследования

Создавая закон о выборах, правительство полагало, что самой надежной опорой самодержавия будет крестьянство с присущим ему стихийным монархизмом. Дворянство, страдавшее «недугом либерализма», было отодвинуто на вторые роли. С. Ю. Витте отмечал: «Тогда было признано, что держава может положиться только на крестьянство, которое по традициям верно самодержавию» [3, с. 358]. Из 6156 выборщиков от всех губерний, областей и городов крестьяне (вместе с казаками) составляли 43%, землевладельцы — 32%, горожане — 22%, рабочие — 3% [8, с. 27]. Крестьяне, владевшие и наделной, и купчей землей, обладали двойным голосом, так как им предоставлялось право участвовать в выборах и по крестьянской, и по землевладельческой курии [69, с. 173]. Крестьяне также получили право самостоятельно избрать одного депутата Думы от каждой губернии без участия выборщиков из других курий. Однако четырехступенчатая система выборов для крестьян практически лишала их не только возможности контролировать избирательный процесс, но даже «уследить за постепенной трансформацией» своих доверенных лиц [29, с. 120].

На выборах в I Государственную думу монархисты, не имея значительных денежных средств и печатных изданий, не владея соответствующими избирательными технология-

ми, возлагали основные надежды на монархические настроения низов, в первую очередь «верноподданного» крестьянства, строя свою избирательную стратегию на этом весьма зыбком фундаменте. Второй «колонной», на которую рассчитывали правые, являлись землевладельцы, которые вместе с крестьянами давали ровно $\frac{3}{4}$ выборщиков. Однако надеждам монархистов (как, впрочем, и правительства) не суждено было сбыться. Крестьянская курия принесла им всего 5,1% голосов, городская — 6,1%, землевладельческая — 16,5% [65, с. 167—168]. Всего же монархистам отдал свой голос только каждый 11-й выборщик (9,2%). Такой результат являлся бы вполне приемлемым в условиях прямых выборов — правые получили бы почти 50 мест в Думе. Однако существовавшая многоступенчатая избирательная система на своем конечном этапе — в губернских избирательных собраниях — стала непреодолимой стеной для правых кандидатов в члены Государственной думы. Победу праздновала оппозиция, создавшая самые крупные фракции в российском парламенте — кадетов и трудовиков (176 и 102 человека соответственно [8, с. 38]).

Из 499 избранных членов I Государственной думы лишь около десятка исследователи относят (и то с большой натяжкой) к правым. Так, В. А. Демин, говоря о количестве членов правой фракции, опирается на данные кадеты Н. Ф. Езерского — 8 человек [8, с. 38]. А. А. Дорошенко полагает, что в I Думе было 13 правых депутатов — «10 земледельцев (из них семь русских крестьян), три землевладельца (из них всего лишь один дворянин)» [10, с. 238]. Лишь Р. Б. Ромов утверждает, что в I Думе «как минимум 30 депутатов» заняли позицию правее октябристов [45, с. 18]. Но так как никто из членов Думы не рискнул в условиях революционного подъема назвать себя «правым», то критерием в данном случае служит не обозначение депутатом своей политической позиции, а лишь отношение к тем или иным вопросам, обсуждаемым в Думе. При этом некоторые историки вообще отрицают наличие правых в депутатском корпусе I Думы [65, с. 168]. Не имея собственной фракции, «стесняясь» своей принадлежности к монархическому лагерю, «условно правые» члены Думы не смогли оказать никакого влияния на ее работу. По мнению Р. Б. Ромова, «отсутствие организованности, нехватка авторитетных лидеров привели к тому, что присутствие правых в палате просто не было замечено» [45, с. 18].

Признав собственное поражение на выборах, правые пытались найти этому подходящие объяснения. По мнению одного из лидеров одесских правых Н. Н. Родзевича, «монархисты имели неуспех на выборах потому, что русский народ в массе не желал Думы и не стремился к ней, “кадеты” же действовали насилием, обманом и заманчивыми обещаниями». Монархисты же, утверждал Н. Н. Родзевич, не использовали в предвыборной борьбе «бесчестные средства» [32]. Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия писала Николаю II: «Выборы для нас — дело новое, непривычное. Наша партия, не будучи посвящена в тайники выборной агитации и к тому же не имея на таковую никаких средств, была затерта» [70, с. 219—220]. «Всеобщая неподготовленность и растерянность облегчили избрание наиболее наглых», — резюмировал колумнист журнала «Мирный труд» Н. Черников [72, с. 218].

Правые не преуспели в использовании избирательных технологий, в отличие от их оппонентов из оппозиционного лагеря. Кроме того, монархисты даже в столицах испытывали явный недостаток денежных средств. В Петербурге они собрали в свой избирательный фонд всего 2362 руб. Израсходовано же было 3379 руб., разницу покрыли за счет личных средств председатели отделов Союза русского народа (СРН) [6, л. 2—2 об.]. В Москве, по сведениям градоначальника, правые вообще потратили всего 1065 руб., в то время как кадеты освоили сумму на два порядка большую — 700 000 руб. [29, с. 130].

Ошибкой правых стал отказ партийных руководителей от блока с другими политическими силами. Попытки же заключить предвыборные соглашения на местах не имели успеха. Провальной оказалась и ставка на «верноподданное» крестьянство. В избирательной платформе правых не было главного для крестьян — обещания передать им помещичьи земли, которое вступало в противоречие с консервативным принципом «незыблемости частной собственности».

Следует также подчеркнуть, что монархические партии, в том числе и самая многочисленная из них — СРН — к началу избирательной кампании только приступили к этапу регионального партийного строительства и потому не сумели активно вмешаться в предвыборную борьбу. Кроме того, как отметил член I Государственной думы профессор Т. В. Локоть, «провинция во время выборов в сущности не знала и не признавала никаких политических партий... руководствуясь в гораздо большей степени соображениями относительно свойств и качеств кандидатов, чем относительно программ, свойств и качеств тех партий, к которым принадлежали эти кандидаты. В этом смысле провинциальные выборы могут быть охарактеризованы как *личные*, но не *партийные*» [28, с. 15]. А популярных личностей, к тому же способных раздавать направо и налево неисполнимые обещания, в рядах правых явно не хватало. Поражение монархистов на выборах предопределила и общая нехватка в их рядах представителей цензовых классов (согласно избирательному закону, 1 голос помещика приравнивался к 3 голосам горожан, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих [29, с. 105]). Особенно заметной эта проблема была на местах. В I Думу не прошел ни один представитель СРН. Даже весьма популярный в правых кругах председатель Главного Совета Союза А. И. Дубровин, принявший участие в выборах, несмотря на свое отрицательное отношение к парламентаризму, получил всего 631 голос [65, с. 168].

Новоизбранная Дума «народного гнева», тон в которой задавала оппозиция, стала объектом жесткой критики со стороны консерваторов. Не оспаривая законность существования народного представительства, созданного Высочайшим повелением, монархисты все беды возложили на депутатский корпус, утверждая, что члены Государственной думы не являются истинными представителями русского народа. Председатель Русской монархической партии (РМП) В. А. Грингмут заявил: «Дума как *учреждение* явилась по Воле Государя, а мы, монархисты, не можем не подчиняться этой Воле». Однако эта Дума «по своему личному составу явилась на свет против Воли Государя, ибо он пригласил народ свой прислать ему лучших, достойнейших людей, а выборами овладели, путем обмана и насилия, враги Царя и России и прислали Царю большинство людей худших» [61, с. 116].

Деятельность членов I Государственной думы только укрепила в монархистах веру в собственную правоту. Депутаты, более трети которых принадлежали к оппозиционной кадетской партии, чувствуя себя неприкосновенными избранниками народа, сразу перешли к конфронтационной риторике, отказавшись от попыток наладить диалог с правительством. Правда, П. Н. Милюков объясняет это личной позицией председателя Думы С. А. Муромцева, не желавшего контактировать с правительством. «Величественная поза» последнего может и создала народному представительству известную популярность, но при этом оно лишилось «естественного посредника в неизбежных столкновениях с властью» [31, с. 371]. Сам же С. А. Муромцев видел себя уже главой русского правительства (когда П. Н. Милюков сказал С. А. Муромцеву, что уступает ему должность премьер-министра в будущем правительстве, последний «не смог скрыть охватившей его радости — и выразил ее в жесте, который более походил на антраша балерины, нежели на реакцию председателя Думы» [31, с. 393]).

Депутатский корпус I Думы был признан неудачным и Верховной властью. Правительство, чтобы не дать парламенту развернуться в оппозиционном законотворчестве, засыпало его огромным количеством малозначимых законопроектов («думской вермишелью»). 9 июля 1906 г. просуществовавшая всего 72 дня I Государственная дума была распущена. Этот шаг монарха получил безоговорочную поддержку монархистов. Н. Черников писал: «Все мирное многомиллионное население России вздохнуло свободнее, когда был потушен явный очаг смуты, разбрасывающий свои губительные искры во все стороны» [71, с. 211]. Когда осенью 1906 г. английская парламентская депутация собралась приветствовать бывшего председателя Думы, III Всероссийский съезд Русских людей отправил спикеру британского парламента следующую телеграмму: «Всероссийский съезд, глубоко возмущенный этим вызовом, брошенным русскому народу, считает своим долгом удостоверить, что преступные члены Государственной Думы, в законном порядке распущенные Августейшим самодержцем... никогда Великим Русским Народом не были признаны истинными представителями» [65, с. 18].

Несмотря на большие сомнения в целесообразности существования законодательного представительного органа в политической системе России [36], монархисты все же решили принять участие и во второй избирательной кампании. В этом отношении характерно высказывание В. А. Грингмута, заявившего, что ни выборов, ни Думы он не признает, «но мы, как монархисты, обязаны повиноваться закону нашего государя, а потому на выборы пойдем» [66, с. 29]. Схожую позицию в конце концов занял и СРН. Еще в конце октября 1906 г. печатный орган Союза — газета «Русское знамя» — выражал надежду на то, что начала православной соборности вскоре «заменят собой вымирающий западный парламентаризм (бестолковую мельницу), как христианство заменило собою внешнюю мощь и величие языческого государства» [47]. Однако ближе к выборам «Русское знамя» слегка подкорректировало свою позицию. Повторив, что «Союз Русского Народа вполне сознательно определяет вред для страны от парламентаризма», газета заявила, что СРН все же «идет в парламент потому, что это воля Его Государя, которому он покорен» [48].

К выборам во II Думу правые подготовились уже основательнее: была создана разветвленная сеть местных отделов, в первую очередь за счет СРН, филиалы которого возникли в сотнях населенных пунктов (только в Волынской губернии более 600 [68, л. 20]). Правда, монархисты опасались, что проведенные по старому избирательному закону выборы снова дадут «революционную» Думу. Делегаты III Всероссийского съезда Русских людей просили Государя «повелеть, дабы до назначения новых выборов в Государственную Думу был издан новый выборный закон» [40, с. 242].

Однако П. А. Столыпин, обещавший собрать «работоспособную» Думу, уже решил добиться желаемого результата выборов не изменением закона, а активным вмешательством администрации в ход предстоящих выборов (напомним, правительство не использовало административный ресурс в первой думской избирательной кампании [29, с. 131]). В сентябре 1906 г. премьер-министр сказал В. А. Грингмуту, что «выборы в новую Думу будут производиться по тому же закону, как и в первую, с тою только разницей, что тогда правительство совсем устранилось от выборов, а теперь — наоборот, будет стараться, чтобы выборы дали хороших людей» [2, с. 401].

П. А. Столыпин попытался создать предвыборную коалицию Русской монархической партии и Союза 17 октября. Оба партийных лидера, В. А. Грингмут и А. И. Гучков, памятуя свои предшествующие электоральные неудачи, ответили согласием. Однако камнем преткновения на пути к соглашению стало разное понимание контрагентами сущности манифеста 17 октября и отношение к еврейскому вопросу. Попытка согласовать позиции на двухпартийном диспуте, предпринятая В. А. Грингмутом, не получила поддержки ок-

тябристов, что дало председателю РМП повод заявить, что последние «увильнули», и возложить на октябристов вину за возможную победу оппозиции [61, с. 301—302, 303]. После этого лидеры обеих партий через газеты обменялись колкостями, что окончательно поставило крест на межпартийном соглашении.

П. А. Столыпин попытался убедить вступить в блок с октябристами и СРН, однако съезд председателей отделов Союза, состоявшийся в начале сентября 1906 г. в Петербурге, не поддержал эту идею. «Не нам вовсе нужен этот “блок”, а октябристам, которые отлично сознают, что они без посторонней помощи проникнуть в Думу не могут, так как, с одной стороны, они не пользуются, как Союз Русского Народа, сочувствием народных масс, а с другой — в применении всякого рода тактических приемов они не дошли еще до той степени виртуозности, как партии, стоящие левее их», — писало «Русское знамя» [49]. После непродолжительных дебатов решение съезда подтвердил и Главный Совет СРН. Причиной такого шага вновь стал еврейский вопрос, а также конституция, которую якобы хотят ввести октябристы [50].

Таким образом, идеологические разногласия (еврейский вопрос, полномочия Думы, «классовая» избирательная система, «конституция») и амбиции партийных лидеров мешали заключению межпартийного предвыборного соглашения.

Однако на местах дело обстояло несколько иначе. Правые и октябристы, сознавая свою электоральную слабость, готовы были увеличить свои силы созданием избирательных блоков. Хотя эти намерения не получили одобрения Главного Совета СРН, напомнившего своим отделам решение сентябрьского съезда «не вступать ни в какие предвыборные соглашения ни с октябристами, ни с какими-либо другими партиями, преследующими цели, не совместимые с задачами Союза» [50], предвыборные блоки правых и Союза 17 октября были все же созданы в некоторых городах.

Однако это принципиально не поменяло итоги второй думской избирательной кампании. Оппозиция получила подкрепление в лице отказавшихся от тактики бойкота Думы социалистических партий, благодаря чему вновь победила на выборах с большим преимуществом. Но и правым удалось несколько улучшить свои результаты, набрав на предварительном этапе 24,6% голосов [23, с. 76]. Даже в городах их поддержало 16,5% избирателей (правда, в выборщики прошли лишь 8,9%), а среди крестьян поддержка монархистов увеличилось в пять раз — до 25% [65, с. 184]. Кроме того, монархисты одержали победу в четырех городах с прямым представительством — в Кишиневе, Киеве, Казани и Туле. Правда, эти успехи не были напрямую связаны с деятельностью правых партий. С. А. Степанов указывает, что в Думу прошли только два представителя самой многочисленной монархической организации — СРН — В. М. Пуришкевич и П. А. Крушеван [65, с. 184]. Однако избранный от Тульской губернии граф В. А. Бобринский также являлся членом СРН и даже входил в Совет его Тульского отдела [46; 55].

На момент открытия заседаний II Думы группа правых депутатов (полноценной фракцией с председателем во главе они так и не стали) насчитывала почти три десятка человек [65, с. 184] (по другим данным — 16 [12, с. 54]). Однако вскоре ее покинули крестьяне. В. М. Пуришкевич откликнулся на это событие эпиграммой:

В бесплодных спорах две недели
О думских группах повлача,
Дворяне — там же где сидели,
Крестьяне — дали стрекача [43, с. III].

После бегства крестьян в правой фракции осталось всего 10 человек [8, с. 39]. Несмотря на наличие в ней весьма ярких в политическом отношении фигур (В. М. Пуришкевич, В. В. Шульгин, П. А. Крушеван, П. Н. Крупенский), монархистам, в силу их

малочисленности, не удавалось влиять на законодательную деятельность Думы. Весьма показательна в этом отношении провалившаяся попытка монархистов добиться осуждения депутатами политических убийств. Осознав невозможность влияния на законотворческий процесс, правые во II Думе стремились хотя бы публично заявить о существовании правой фракции в представительном органе и обозначить позицию монархистов по актуальным политическим проблемам, а то и просто привлечь к себе внимание, что им вполне удавалось.

Главную роль здесь играл экспансивный В. М. Пуришкевич — «трагический клоун Второй Думы», как назвал его П. Н. Милюков [12, с. 58]. Эпатажные выходы и скандалы правого политика (он стал первым депутатом, удаленным из зала заседаний) неизменно достигали поставленной цели — дискредитации «революционной» Думы. «Отрицая в принципе парламент, Пуришкевич стал парламентским бойцом, ловким, наглым и беззастенчивым. Он был реальным политиком», — писал о нем современник [12, с. 55].

Не уступал ему и волынский помещик В. В. Шульгин. Хотя поначалу над ним «посмеивались, не воспринимая молодого парламентария всерьез» [13, с. 93] (на тот момент В. В. Шульгину было 29 лет, а выглядел он и того моложе). «Биржевые ведомости», подчеркивая мальчишескую фигуру и «детский овал лица» В. В. Шульгина, язвительно советовали ему: «...берите мяч и идите на лужайку» [13, с. 92]. На одной из карикатур того времени В. В. Шульгин был изображен спиной к зрителю и назван «безличным господином». Однако за очень короткий срок, отведенный для работы II Государственной думе (102 дня), он превратился в весьма узнаваемую персону, что признавали и его политические оппоненты. Так, председатель II Думы кадет Ф. А. Головин называл В. В. Шульгина «одним из самых искренних и талантливых ораторов правых» [13, с. 96]. Даже советский публицист Д. И. Заславский считал его человеком «ярким, интересным, талантливым, и в некоторой степени даже привлекательным» [12, с. 12]. Выступления В. В. Шульгина, по его словам, «доводили Государственную думу до белого каления» [11, с. 20]. В. М. Пуришкевич посвятил правому политику такую эпиграмму:

Твой голос тих и вид твой робок,
Но черт сидит в тебе, Шульгин,
Бикфордов шнур от тех коробок,
Где помещен... пироксилин [43, с. IV].

Оказавшись еще более революционной по сравнению с предыдущей, II Дума заслужила негативные оценки монархистов. Правый депутат граф В. А. Бобринский назвал ее «Думой народного невежества». Ему вторил кадет В. А. Маклаков, считавший, что Дума второго созыва «была неудачной и по составу, и по... исключительно низкому культурному уровню» [8, с. 39].

Правые еще до окончания избирательной кампании начали критиковать действующее избирательное законодательство, которое якобы не позволяет монархистам достичь электорального успеха. Печатный орган СРН доказывал, «что избирательный закон должен быть изменен потому, что существующая у нас система рассчитана на то, чтобы в Думу попали те, кто лучше сумеют смошенничать на выборах» [51].

А менее чем через месяц после начала работы II Думы правые начали против нее массированную информационную атаку, организовав поток телеграмм от местных отделов СРН, адресованных Николаю II и главе правительства, с требованием роспуска Думы и принятия нового избирательного закона. Только П. А. Столыпину было направлено более 200 телеграмм [52]. Уже в апреле 1907 г. В. М. Пуришкевич в салоне генеральши Е. В. Богданович заявил, что премьер-министр готов «разогнать Думу, но ждет это сделать, так как общественное мнение возбуждено Думой, но враждебно к ней еще не отно-

сится» [2, с. 425]. Сам он также по мере сил способствовал дискредитации Думы, в том числе и своими эпитаграммами:

Но Дума вся сплошной скандал,
А потому под думским кровом
Их до разгона сохранить
(Еще успеем посадить!) [43, с. I]

В начале мая 1907 г. группа правых депутатов (В. В. Шульгин, А. С. Вязигин, В. М. Пуришкевич и Г. Е. Рейн) потребовали от П. А. Столыпина распустить II Думу. Однако последний предложил собеседникам дожидаться, «пока дума догниет на корню», предложив власти «удобный момент для ее роспуска» [67, с. 154, 201]. Глава правительства также добавил, что вообще-то этот вопрос в компетенции самодержца. Вскоре на Высочайшей аудиенции В. М. Пуришкевич заявил Николаю II о необходимости скорейшего разгона «гнезда разбойников, засевших в Таврическом дворце». Царь, поблагодарив его за «преданность престолу и родине», уклончиво ответил, что решение этого вопроса оставит за собой. Тем не менее все присутствующие поняли, что «дни Государственной Думы сочтены» [74, с. 503, 505].

Уверившись во «всенародной» поддержке роспуска Думы [76, р. 229] и дождавшись завершения работы товарища министра внутренних дел С. Е. Крыжановского над новым избирательным законом [63, с. 346], 3 июня 1907 г. Николай II распустил Думу с одновременным изменением закона о выборах, нарушив тем самым «Основные законы» Российской империи (в редакции 23 апреля 1906 г.), согласно которым принятие нового избирательного закона требует одобрения представительного органа.

Роспуск II Думы получил безоговорочную поддержку монархистов. Члены житомирского отдела СРН ликовали, «бесконечно радуясь» государевой мудрости, и выражали надежду, что «наконец-то Россия будет иметь думу русскую» [54]. В уездной Шуге манифест о роспуске Думы был «встречен русскими людьми с величайшей радостью», а местный Союз русских православных людей благодарил государя за роспуск второй Государственной Думы [19]. Однако «Русское знамя» выразило недовольство новым избирательным законом, «изготовленным бюрократией без соответствия духу великого Манифеста 3-го июня» [53]. А генерал А. А. Киреев выразил сожаление, что власть «остановилось на полдороге» и не решилась вернуть Государственной думе законосовещательный статус [22, с. 249].

Новый избирательный закон, как утверждал его автор, товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский, своей целью имел «предоставление в губернском избирательном собрании большинства голосов, а следовательно, и контроля над выборами, представителям крупного владения» [8, с. 7]. Количество членов Думы было уменьшено с 524 до 442, уменьшена доля крестьян среди выборщиков и значительно увеличено среди них число землевладельцев, городская курия разделена на две, что увеличило представительство состоятельных горожан. Крестьяне также лишились права прямого избрания представителя своей курии в Думу. В некоторых регионах также вводились две избирательные курии — русская и национальная, позволяя русским избирателям нейтрализовать численный перевес «иногородцев».

В период третьей думской избирательной кампании правительство, учтя опыт предыдущих выборов, вновь решило максимально использовать административный ресурс, а также объединить электоральные усилия двух более или менее лояльных к правительству политических сил — октябристов и монархистов. При этом коренником в этой «упряжке» должны были стать октябристы, а правым, в голосах которых все явственнее стали звучать антиправительственные ноты, отводилась роль пристяжного. Однако монархисты

согласиться с такой ролью не пожелали. Главный Совет СРН сентябрьским циркуляром подтвердил «постановление Московского съезда представителей губернских отделов с 15 по 19 июля с. г.» о запрете создания избирательных блоков с партиями, «стремящимися к ограничению Царского Самодержавия (от Партии правового порядка и левее)». Также Главный Совет Союза, призывая «выбирать в Государственную Думу преданных престолу и Родине людей», требовал от отделов расходовать «на выборы только средства, специально пожертвованные частными лицами, но отнюдь не пользуясь средствами, предоставляемыми правительством, так как правительство не имеет нравственного права тратить народные деньги, дабы создать при помощи Союза Русского Народа октябристскую Думу» [5, л. 11—11 об.].

Причина разлада между правыми и правительством в лице П. А. Столыпина заключалась в том, что последний, будучи, по мнению правых, «конституционалистом» («правовой конституционностью Столыпина только и можно объяснить, что революция до сих пор не подавлена», — писал член Главного Совета СРН В. П. Соколов [62, с. 16]), теперь делал ставку на парламентские партии, к каковым СРН, как партия «уличного действия», да еще и стремившаяся вернуть «доманифестный» режим, безусловно, не относился. Из неконвенционального СРН П. А. Столыпин решил выделить умеренную его часть, институционализовав ее в виде проправительственной правой партии, названной «Русский народный Союз им. Михаила Архангела» (РНСМА). Ее неформальным лидером (а с 1912 г. и формальным) стал В. М. Пуришкевич.

Однако РНСМА не справился с возложенной на него задачей служить опорой правительства в Думе, не сумев даже создать собственной фракции. Оставшиеся же в рядах СРН монархисты должны были умолкнуть под давлением правительственных репрессий. Так, в течение 1910—1913 гг. только против председателя СРН А. И. Дубровина было возбуждено не менее 29 дел, основанием для которых служили его статьи с критикой правительства, опубликованные в «Русском знамени» [37, с. 77]. Если раньше П. А. Столыпин «нам просто не сочувствовал, — писал член Главного Совета СРН В. П. Соколов, — то теперь у него явилось прямо чувство недоброжелательства» [62, с. 15].

Несмотря на противостояние с правительством и лично с его председателем, монархисты на выборах в III Думу одержали свою первую электоральную победу. В работе губернских избирательных собраний приняли участие 5150 человек (91 место в собраниях осталось вакантным по различным причинам). Из всех выборщиков правыми себя назвали 2432 человека, или 47%. Это при том, что 522 выборщика (11%) «преимущественно от съездов уполномоченных от крестьян (230) и от съездов землевладельцев (131)» оказались по своему политическому направлению неизвестными [4, с. XXX]. Таким образом, монархисты, вероятно, имели в губернских избирательных собраниях более половины голосов. Представляет интерес и распределение правых выборщиков по куриям. Съезды уполномоченных от волостей дали им 45% выборщиков, землевладельцы — 62%, первая городская курия — 33% и вторая — 15%. Даже некоторые представители рабочей курии (пусть и в абсолютном меньшинстве) голосовали за правых, дав им 1% выборщиков [4, с. XXX]. Здесь следует учесть то беспрецедентное давление, которому подвергались правые рабочие на избирательных собраниях. Успех на выборах монархистам обеспечили в первую очередь помещики, крестьяне и священнослужители, давшие 48, 37 и 32 правых членов Думы соответственно [10, с. 241].

По подсчетам В. А. Демина, правые всех оттенков в Государственной думе на момент начала первой ее сессии насчитывали в своих рядах 147 человек (фракция умеренно правых — 70, фракция правых — 51, национальная группа — 26). Заметно усилилось партийное представительство собственно правых. Из 147 правых членов Думы 32 че-

ловека входили в состав СРН и еще 41 числился в рядах других монархических партий, это практически половина (напомним в Думе предыдущего созыва было только 2 члена СРН). Всего же было избрано 434 человека [8, с. 40]. То есть монархисты получили в Думе около 34% мест при 43% выборщиков (или даже больше — см. выше), и значит последний этап выборов — губернские избирательные собрания — правые, как обычно, провели хуже, чем их конкуренты.

Впечатляющие результаты правых в третьей думской избирательной кампании можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, победа самодержавия над революционной бурей 1905—1907 гг. и усталость населения от сопровождавших ее эксцессов (падение уровня жизни вследствие забастовок, уличные беспорядки и т. п.) сделали актуальным «стабильность и порядок» — лозунг, начертанный на знаменах монархистов. Во-вторых, новая редакция избирательного закона (которую даже сам автор именовал «бесстыжей» [61, с. 346]), предоставляла электоральные предпочтения представителям цензовых классов (помещикам и 1-й курии городских избирателей), которые, как известно, в большинстве своем не разделяли идей революционного романтизма, придерживаясь вполне умеренных политических взглядов. Из-за своего «верноподданного» состава III Думу называли «барской» и «лакейской» [29, с. 220]. И наконец, в-третьих, оппозиционные партии испытывали на себе сильнейшее административное давление, что заметно снижало их шансы на успех в избирательной кампании. Кадет Н. М. Иорданский утверждал, что «новый избирательный закон и полицейские мероприятия... были таковы, что не только левые, но и к. д. [кадеты] не сохранили и третьей части своих депутатов» [20, с. 145].

Оказавшись в Таврическом дворце, монархисты объявили своей главной задачей сохранение «незыблемого» самодержавия и в этих видах избрали оборонительную тактику, стремясь воспрепятствовать любым попыткам Думы модернизировать в либеральном духе политическую систему России. Однако у главы кабинета П. А. Столыпина планы были противоположные — он начал грандиозную программу реформ, ключевым пунктом которых являлось уничтожение общины и замена общинного землевладения частным. Правые оказались в сложном положении — им предстояло сделать выбор между своим неприятием реформ, ослабляющих самодержавие, и верноподданностью, обязывающей их поддерживать главу кабинета, поставленного волей государя.

П. А. Столыпин, учитывая занятую думскими правыми «полупозицию», решил сделать своей опорой в стенах Таврического дворца представителей Союза 17 октября, который злые языки не без причин уже успели прозвать «партией последнего правительственного распоряжения». Однако послушная воле главы правительства многочисленная октябристская фракция, насчитывавшая в своих рядах 154 человека [8, с. 40], все же не имела думского большинства. Для его получения П. А. Столыпин попытался привлечь голоса правых членов Думы. Поначалу надежды председателя Совета министров вполне оправдывались — при выборах председателя Думы правые и октябристы без лишних споров сошлись на кандидатуре Н. А. Хомякова. Однако существующие между ними «разномыслия» не позволили им сформировать полноценное думское большинство. Тогда П. А. Столыпин, имевший уже опыт раскола СРН, решить использовать тактику *divide et impera* и по отношению к думской фракции правых. Буквально через несколько дней после открытия первой сессии из ее рядов вышли 70 человек, создав фракцию умеренно правых во главе с П. Н. Балашевым. А к началу 1908 г. от правых откололась и национальная группа в составе 18 человек (по подсчетам В. А. Демина — 26 [8, с. 40]) во главе с князем А. П. Урусовым. Оставшиеся (51 человек) сформировали собственно правую

фракцию, которую возглавил граф В. Ф. Доррер, а после его смерти в 1909 г. — профессор Харьковского университета А. С. Вязигин [75, с. 1].

Если правая фракция заняла по отношению к кабинету П. А. Столыпина довольно сдержанную позицию, то умеренно правые напротив — откровенно проправительственную. Последние стали называть правую фракцию «крайне правой», та платила им той же монетой, язвительно именуя своих соседей слева «неуверенно-правыми». В 1909 г. не без участия П. А. Столыпина фракции умеренно правых и националистов объединились под знаменами последней. Председателем нового парламентского объединения стал П. Н. Балашев, а лидер бывшей национальной группы князь А. П. Урусов, выступивший против слияния фракций, в знак протеста перешел к правым. В свою очередь, от правых к националистам перешли В. В. Шульгин (хотя в 1907 г. харьковская газета «Утро» называла его «правейшим из правых» во II Думе [13, с. 93]) и епископ Евлогий (Георгиевский). Но и на этом разделы правых в Думе не закончились. Весной 1911 г. из национальной фракции выделилась группа в составе 17 человек, образовавшая фракцию независимых националистов во главе с П. Н. Крупенским [75, с. 2].

Кроме того, националисты, не без участия правительства, опираясь на свою фракцию, институционализировались и вне стен Думы, создав собственную партию — Всероссийский национальный союз (ВНС), которая, впрочем, так и осталась придатком думской фракции, являвшейся «центром партийной жизни ВНС» [26, с. 39].

Главное различие между крайне правыми и националистами заключалось в отношении к Государственной думе. Если первые настаивали на возвращении ей законосовещательного статуса, то вторые не возражали против сохранения Думой законодательных полномочий. Более или менее единодушно правые и националисты голосовали лишь по национальным и религиозным вопросам. Так, они дружно настаивали на продолжении русификации окраин, в первую очередь Польши, Кавказа и Финляндии, на уравнивании на территории Финляндии прав русских с правами финляндцев (sic!), поддерживали требование выделить из состава Царства Польского Холмскую губернию и т. п. Обе фракции поддерживали и Столыпинскую аграрную реформу. Однако вне стен Думы монархисты, ведомые председателем СРН А. И. Дубровиным, выступали против этой реформы, не без оснований полагая, что ликвидация крестьянской общины приведет к обезземеливанию и последующему разорению крестьян, а сама реформа станет огромной «фабрикой пролетариата» [65, с. 313]. В итоге СРН во второй раз раскололся на вполне лояльных к правительству «правых Думы» во главе с Н. Е. Марковым 2-м (так называемых «обновленцев» или «марковцев») и оказавшихся в оппозиции сторонников А. И. Дубровина («дубровинцев»). Впоследствии эти два течения в СРН образовали две самостоятельные и достаточно враждебные партии — обновленческий СРН и ВДСРН — Всероссийский Дубровинский союз русского народа [35].

Несмотря на, казалось бы, успешность сложнейшей комбинации, проведенной П. А. Столыпиным в отношении правой фракции (ее раскол и создание вполне лояльной правительству национальной фракции), получить устойчивое и послушное думское большинство путем объединения октябристов и националистов у него не получилось. Во-первых, потому что в самой фракции октябристов не было ни единства, ни партийной дисциплины, и ее члены часто голосовали по собственному разумению, вопреки желанию председателя; во-вторых, позиция октябристов постепенно смещалась влево, в то время как П. А. Столыпин «правел» [75, с. 5], что рано или поздно должно было привести к разрыву между ними.

Проправительственное большинство в Думе было только ситуативным, октябристы голосовали совместно либо со своими соседями справа — националистами, либо сле-

ва — прогрессистами и кадетами. В этой ситуации голоса правых, сохранявших независимость, часто оказывались решающими: примыкая к националистам и октябристам, они обеспечивали этой коалиции большинство, голосуя же против, «подвергали его самой серьезной опасности остаться в меньшинстве» и «провалиться на баллотировке». Порой правые голосовали вместе с левыми против октябристов, что вызывало негодование лидера последних — А. И. Гучкова, говорившего о «неестественном черно-красном блоке, который составляет проклятие страны» [75, с. 7].

Правая фракция в III Думе также не смогла сохранить единство. В марте 1908 г. 42 крестьянина внесли законопроект, предусматривавший введение прогрессивного налога на земли помещиков и в некоторых случаях отчуждение их земель за вознаграждение. Правые помещики ожидаемо выступили против такого покушения на их привилегии, и проект не получил поддержки фракции. Обиженные крестьяне стали переходить к националистам [65, с. 308, 309]. Помещик В. М. Пуришкевич такие действия крестьян объяснял тем, что они в Думе «попали под множество влияний, сбивающих их с толку. Левые ораторы развратили крестьян вызывающим обращением своим к министерской ложе, пошлыми и дерзкими речами подорвали в них уважение к власти. Раньше не только уважавшие земского начальника, но и считавшиеся даже с урядником, теперь они ни во что не ставят и министра» [65, с. 310].

Крестьянский исход из правой фракции завершился во время министерского кризиса марта 1911 г., едва не закончившегося отставкой П. А. Столыпина. Он был вызван применением главой кабинета 87-й статьи «Основных законов» Российской империи, позволявшей распустить Думу на трехдневные каникулы и принимать законы в порядке «верховного управления», без участия законодательного органа. Сделано это было с целью провести мимо Думы закон о земствах в западных губерниях, вводивший на земских выборах для «защиты русских интересов» две курии — русскую и национальную. Правая группа Госсовета этот закон отклонила, опасаясь, что понижение избирательного ценза для землевладельцев ради введения русской курии в западных губерниях может послужить дурным примером и для остальных регионов.

Действия премьер-министра, продемонстрировавшего такое пренебрежение к воле народных избранников, вызвали бурное негодование членов Думы, в том числе и правой фракции, перешедшей (за исключением Н. Е. Маркова 2-го) в оппозицию главе правительства. Даже В. М. Пуришкевич заявил, что П. А. Столыпин своими действиями «добился полного объединения, за малым исключением, всего благомыслящего русского общества в одном: в оппозиции самому себе» [1, с. 207]. А позже свои эмоции правый политик выразил очередной эпиграммой:

За речь лихую в дни былые
В России рвали языки
И гнули непреклонным выи
Нажимом Бирона руки.
А в наши дни гражданской сечи,
Пяти свобод и диких смут
За верноподданные речи
Нам преподнес Столыпин кнут [42, с. 382].

Председатель Совета министров в долгу не остался, заявив в одном из интервью, что «Дума Пуришкевича» для него так же неприемлема, как и «Дума Милюкова» [1, с. 211].

После гибели П. А. Столыпина правительство возглавил В. Н. Коковцов — «технический премьер», стремившийся дистанцироваться от всех политических сил. Следуя этим курсом, он отказал в финансировании лояльным к правительству обновленцам, тесно

связанным с правой фракцией, которые просили на выборы 960 тыс. рублей, обещая взамен «затмить результатами их усилий самые смелые ожидания относительно будущего состава Думы» [25, с. 534]. В ответ «правые Думы» сохранили свою существующую со времен министерского кризиса марта 1911 г. если не оппозиционность, то фрондерство по отношению к правительству. Дубровинцы же, лишённые правительственных денег ещё П. А. Столыпиным, наоборот отнеслись к новому премьеру вполне доброжелательно. Им импонировала как раз технократичность главы правительства. «Нынешний председатель Совета министров благодаря Бога не Столыпин», — писало «Русское знамя» [56]. Но и дубровинцы выражали опасения по поводу дальнейшего политического курса В. Н. Коковцова, которого «сила вещей уже начинает выдвигать... из рамок, подобающих верному слуге Царскому» [56]. Как видим, разногласия между «внедумскими» правыми и «правыми Думы» сохранялись по-прежнему.

В Третьей Думе оппозиция отличилась масштабным наступлением на «первенствующее положение» Православной церкви, преподнеся ей, по словам «Киевских епархиальных ведомостей», несколько неприятных сюрпризов, а именно «вероисповедную свободу или уравнивание всех вер с правом переходить в любую из них; покушение, пока не достигшее цели, на церковно-приходскую школу; отказ духовенству в праве участвовать в волостном земстве, такой же отказ на улучшение положения преподавателей духовно-учебных заведений» [21, с. 12]. В стенах Таврического дворца только монархисты выступили против этой линии. «По горькому опыту жизни духовенство не может не признать, что искренними его друзьями, защитниками церковных интересов в Государственной Думе были правые», — констатировали «Киевские епархиальные ведомости» [21, с. 13].

Накануне выборов в IV Думу правый лагерь переживал разброд и шатания. Камнем преткновения по-прежнему являлся вопрос о целесообразности существования в самодержавной России представительного органа и его статусе. Обновленцы вместе с РНСМА не сомневались в необходимости существования законодательной Думы. Н. Е. Марков 2-й утверждал: «...можно быть недовольным 3-й, 4-й Думой, 20-й, разгоните их, выберите настоящую, русскую, но как учреждение Государственная Дума необходима: без этого России не существовать» [44, с. 120]. Дубровинцы же, именовавшие своих оппонентов «маргариновыми» монархистами, так же отличавшимися от истинных, как маргарин отличается от сливочного масла, считали законодательную Думу опасной для самодержавия и предлагали понизить ее статус до законосовещательной. Некоторые местные дубровинские организации даже призывали не участвовать в избирательной кампании. Например, лидер астраханских правых купец Н. Н. Тиханович-Савицкий считал необходимым бойкотировать выборы, «чтобы четвертая Дума состояла из наиболее прогрессивных элементов и этим дала бы возможности изменить положение о ней и вступить, наконец, правительству на истинный русский путь» [7, л. 25], т.е. лишить народное представительство законодательных полномочий. Отказался от участия в выборах и Лубенский отдел СРН, не желавший помогать октябристам и националистам в «составлении вновь Думы конституционного духа, чуждого и ненавистного массе народной» [57].

Националисты также начали избирательную кампанию не в лучшей форме. Утратив поддержку кабинета В. Н. Коковцова, они попытались сделать своей опорой на предстоящих выборах широкую сеть региональных отделов ВНС, на создание которых они потратили немало сил и средств. Однако эта кампания не принесла националистам желаемого результата, так как в центральных регионах России, на которые и были направлены главные усилия ВНС, отсутствовали острые религиозно-этнические конфликты, и идеи русского национализма не получили там ожидаемой поддержки.

Наладить взаимодействие между различными правовыми организациями и течениями в ходе избирательной кампании также не удалось. Если обновленцы все же посчитали возможным вступать в соглашения там, где нет возможности провести своего кандидата [41, с. 169], то руководство ВДСРН призывало не вступать в блоки с «опасными лицами» (к каковым были отнесены националисты и партии, расположенные левее), ибо «соглашения с ними... никакой пользы не принесут, а вред принести смогут» [5, л. 21]. Националисты, видя всю призрачность союза с правыми, делали реверансы в сторону октябристов, надеясь на создание блока в стенах будущей Думы. Октябристы отвечали тем же. Так, А. И. Гучков, выступая 10 сентября 1911 г. на заседании Киевского Клуба русских националистов, призвал его членов к объединению усилий в борьбе с оппозицией. Предложение получило горячую поддержку собравшихся, и с трибуны А. И. Гучкова провозжали овацией [60, с. 61—62].

К началу четвертой думской избирательной кампании правительство все же осознало, что если пустить выборы на самотек, то можно вновь получить радикально-оппозиционное народное представительство. В этой связи обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер и министр внутренних дел А. А. Макаров предложили создать состоящую наполовину из священников «фиолетовую» Думу. Однако этому воспротивилось дворянство, усмотрев в намерениях власти покушение на свое политическое доминирование [69, с. 272]. МВД только указало местным властям вести выборы в теснейшем союзе и согласии с дворянством [64, с. 90]. Но вовсе отказываться от использования духовенства в предстоящей избирательной кампании власть также не собиралась. К тому же сами священники не возражали против своего участия в законодательной деятельности, недовольные работой Думы предыдущего созыва. Один из активистов Киевской русской монархической партии священник В. М. Пестряков утверждал, что «Государственная Дума с несомненностью убеждает нас... в пользе для церковных интересов участия в думской работе пастырей» [21, с. 13].

При Св. Синоде было создано предвыборное бюро, действовавшее через посредство консисторий, епархиальных и благочинных съездов духовенства [69, с. 271]. Экс-чиновник И. Я. Гурлянд, оставивший службу после убийства П. А. Столыпина, утверждал, что «священники должны были скорее являться лишь избирательным материалом, чем самостоятельной политической силой» [64, с. 91], т.е. только поддерживать указанных епархиальным начальством кандидатов, но не баллотироваться самим в Думу. Кадет В. А. Маклаков язвительно заметил по этому поводу, что обер-прокурор Св. Синода «стадо Христово обратил в избирательное стадо» [9, с. 143]. Для обеспечения победы правых по крестьянской курии в деревнях была «запрещена любая агитация, кроме черносотенной», проводником которой должно было являться опять-таки духовенство [14, с. 27].

Итоги выборов в IV Думу были для правых вполне успешными. Однако причины этого успеха в разных регионах отличались. Так, в Нижегородской губернии безоговорочная победа правых кандидатов (на 7 мест были избраны 6 правых и 1 националист, записавшийся поначалу беспартийным [73, с. 190—196]) в значительной степени объяснялась активным вмешательством в избирательный процесс губернатора А. Н. Хвостова. В Волынской губернии в члены Думы было избрано 13 человек, из них 11 правых, 1 националист и 1 примыкавший к правым (Г. Е. Рейн) [73, с. 40—42]. Здесь удача монархистов объясняется активной работой СРН, имевшего в губернии разветвленную сеть отделов и подотделов, широким привлечением к политической пропаганде местных священнослужителей, а также наличием в их рядах авторитетных лидеров — архимандрита Виталия (Максименко) [18; 22], В. В. Шульгина и др. В Курской губернии монархисты получили стопроцентный результат — все 11 избранных членов Думы являлись правыми

[73, с. 147—157]. Здесь монархисты выставили очень сильных кандидатов — Н. Е. Маркова 2-го, В. М. Пуришкевича, Г. А. Щечкова. Кроме того, нельзя забывать, что губерния являлась партийной вотчиной «Курского зубра» — Н. Е. Маркова 2-го. Очень хороший результат показали монархисты и в Вятской губернии, получив 7 мест в Думе из 8. Здесь их успех, вероятно, объясняется тесным сотрудничеством с православной церковью, так как избраны были три священника и смотритель духовного училища [73, с. 65—72].

В ходе избирательной кампании Петербургское телеграфное агентство «изо дня в день печатало статистику выборов, из которой вытекало, что правые имеют 57 проц. выборщиков», т.е. большинство. Оппозиционная печать даже писала о «комедии выборов» [32, с. 92], создавая информационный повод для их отмены. Правые и националисты, вдохновленные телеграммами о ходе выборов, ожидали грандиозного успеха, зарезервировав для себя в Думском зале 150 и 100 мест соответственно [39, с. 8, 9].

Однако по итогам выборов правым всех оттенков удалось провести в Думу не 250, а всего лишь 186 депутатов. Практически сразу они разделились: 88 человек оказалось в возглавляемой П. Н. Балашевым фракции националистов, 65 (вместе с «примыкавшим» Г. Е. Рейном) назвали себя правыми, избрав своим председателем А. Н. Хвостова, наконец, 33 депутата вошли в так называемую «группу центра», продолжившую линию «независимых националистов» в предшествующей Думе. Их лидером стал П. Н. Крупенский [14, с. 33]. Эта группа вынашивала наполеоновские планы, намереваясь стать ядром влиятельного думского центра, который и будет направлять работу российского парламента. Однако «перекрасившийся» П. Н. Крупенский не получил поддержки слева, а правые посчитали его ренегатом, ушедшим к октябристам. Националисты же вообще всю эту затею объявили интригой В. Н. Коковцова, целью которой было ослабление национальной фракции.

Национальная фракция, являясь одной из самых многочисленных, не без оснований надеялась провести в председатели Думы своего лидера — П. Н. Балашева. Однако его кандидатура не получила поддержки других фракций, в том числе и правой, что несколько подпортило отношение националистов со своими соседями справа. Кроме того, внутри национальной фракции начался разлад, причиной которого стало отношение к главе правительства. Часть националистов во главе с В. В. Шульгиным и А. И. Савенко поддерживала политический курс В. Н. Коковцова и демонстрировала готовность блокироваться с октябристами и прогрессистами. Большая же часть фракции во главе с П. Н. Балашевым оказалась в оппозиции к премьер-министру, солидаризируясь в этом вопросе с правыми.

Не избежала раздоров и правая фракция. Возглавлявший ее А. Н. Хвостов (бывший Нижегородский губернатор), опасаясь политической изоляции монархистов, выступал за компромисс с националистами. Неформальные же лидеры фракции — Н. Е. Марков 2-й и Г. Г. Замысловский — выступали против любых соглашений с ними. Их точка зрения взяла верх и в конце 1913 г. А. Н. Хвостов оставил пост председателя фракции, уступив свои полномочия одесскому профессору С. В. Левашову.

При этом тлеющий со времен избирательной кампании конфликт между правой фракцией и В. Н. Коковцовым, который совмещал должности главы правительства и министра финансов, вскоре вышел за рамки парламентской этики. Марков 2-й с думской трибуны заявил: «А я скажу министру финансов просто: красть нельзя!» [25, с. 580]. Разразился скандал, в который оказалась вовлечена вся Дума. Н. Е. Маркову 2-му в итоге пришлось извиняться [15, с. 186]. Но отношения В. Н. Коковцова и думских монархистов были окончательно испорчены. А так как находящиеся вне Думы дубровинцы наоборот поддерживали премьера («Председательство В. Н. Коковцова можно считать допустимым», так как он в министрах видит «не коллег по кабинету, а непосредственных исполните-

лей верховной воли», — писало «Русское знамя» [58]), то их конфликт с обновленцами только обострялся. Снижение уровня политизации населения, продолжение внутренних склок в правом лагере и отход от дел его лидеров А. И. Дубровина, Б. В. Никольского, А. И. Соболевского и др., привели к резкому ослаблению монархического движения. Пожалуй, единственным очагом политической активности сторонников самодержавия в предвоенный период оставалась думская фракция правых.

Начало мировой войны застало Государственную думу на каникулах. Председатель фракции националистов П. Н. Балашев сразу обратился к главе правительства И. Л. Горемыкину с предложением созвать Думу «хотя бы на один день для того, чтобы подчеркнуть полную солидарность всех слоев населения... и готовность их всеми силами служить престолу и родине» [59, с. 275]. Правительство поддержало эту идею, и 26 июля 1914 г. открылась чрезвычайная однодневная сессия Думы, на которой все фракции, за исключением большевистской, проголосовали за военные кредиты, продемонстрировав «священное единение» вокруг престола и отложив политические споры до окончания войны. В. М. Пуришкевич, ранее демонстративно незамечавший П. Н. Милюкова, называвший его «выборгской лягушкой» и даже как-то бросивший в него стакан с водой, в думских кулуарах прилюдно пожал ему руку [14, с. 41]. После заседания Дума вновь была распущена на каникулы, а члены правой фракции сосредоточили свои усилия на оказании помощи фронту. Особенно преуспел в этом В. М. Пуришкевич, создавший санитарный отряд для эвакуации раненых.

Правая фракция с началом войны оказалась в несколько двусмысленном положении. Ее представители ранее весьма критично относились к сближению России с республиканской Францией и конституционной Британией. Н. Е. Марков 2-й в мае 1914 г. с думской трибуны призвал «вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией» [30, с. 104]. Это дало политическим оппонентам правых повод обвинять их в германофильстве и отсутствии патриотизма. Монархистам пришлось срочно развернуть свой идеологический фронт в противоположном направлении и занять англо-франкофильские позиции. «Правые Думы» это успешно проделали (особенную скорость в этом вопросе продемонстрировал В. М. Пуришкевич), в отличие от дубровинцев, в адрес которых в течение всей войны выдвигались обвинения в германофильстве и стремлении к сепаратному миру [34], а их газету оппоненты язвительно именовали «Прусским знаменем» [27, с. 298]. Национальная фракция и группа центра, в отличие от фракции правых, в довоенный период полностью поддерживали внешнеполитический курс правительства, в том числе и союз с Антантой. Выступления их ораторов А. И. Савенко и В. Н. Львова с призывами утвердить за Россией берега Босфора нисколько не противоречили их довоенным экспансионистским лозунгам.

Третья сессия IV Думы, состоявшаяся в январе 1915 г., была короткой. Продолжалась она всего три дня, ровно столько, сколько потребовалось для принятия бюджета. Однако следующая — четвертая — думская сессия была более продолжительной — с 19 июля по 3 сентября 1915 г. К этому времени наметилось разнонаправленное движение флангов национальной фракции. Правый, возглавляемый П. Н. Балашевым, дрейфовал к монархистам. Левый же сближался с кадетами и прогрессистами, поддержав даже введение трудовиков и социал-демократов в состав комиссии по военным и морским делам. Их лидер А. И. Савенко как-то даже заявил, что левые националисты затрудняются объяснить, «в чем именно заключается разница между ними и фракциями, левее их сидящими». Однако возможный раскол национальной фракции его нисколько не страшил, так как в ближайшей перспективе А. И. Савенко уже видел «контуры... большого думского центра», выступающего под знаменами националистов [59, с. 277, 280, 281].

Успешное немецкое наступление весной-летом 1915 г. («Горлицкий прорыв») дало повод оппозиции утверждать, что правительство И. Л. Горемыкина было не в состоянии довести войну до победного конца. В июле 1915 г. Дума сменила неактуальный уже лозунг «священное единение» на новый — «патриотическая тревога». Под этим знаменем в стенах Таврического дворца в августе 1915 г. и был материализован «большой думский центр» в виде Прогрессивного блока, выступавшего за создание правительства, «пользующегося доверием страны». В новое парламентское объединение вошли шесть фракций, кроме крайне правых и крайне левых — прогрессисты, кадеты, октябристы, часть земцев-октябристов, группа центра и 36 человек левых («прогрессивных») националистов во главе с В. В. Шульгиным и В. А. Бобринским. Последние для вхождения в Прогрессивный блок вынуждены были отказаться от антисемитской риторики, продекларировав свое «вступление на путь отмены ограничительных в отношении евреев законов» [59, с. 283]. В оставшейся части национальной фракции, сместившейся далеко вправо, «в строю» осталось чуть больше 50 «штыков», руководимых П. Н. Балашевым.

Монархисты именовали новое парламентское объединение «Желтым блоком» (т.е. расположенным между монархистами, знамена которых имели белый цвет, и революционерами, предпочитавшими красный). Попытки создать «Черный блок» (вероятно, от еще одного наименования монархистов — «черносотенцы»), включив в него правую и остатки национальной фракции во главе с П. Н. Балашевым, продолжались до начала 1917 г., но успеха не принесли из-за идеологических разногласий.

Сама правая фракция также переживала не лучшие времена. В 1915 г. она сократилась до 53 человек. 18 ноября 1916 г. из ее состава официально вышел В. М. Пуришкевич, значительно полевевший с началом войны и уделявший теперь главное внимание своим санитарным поездкам, а не обязанностям народного избранника. 19 ноября 1916 г. с думской трибуны он произнес антиправительственную речь в духе Прогрессивного блока, уже отказавшегося и от лозунга «патриотическая тревога» в пользу нового — «штурм власти». Неформальный лидер правой фракции Н. Е. Марков 2-й в ответной речи, защищая правительство, не удержался от оскорбительных выражений в адрес Думы и ее председателя и был удален из зала на несколько заседаний, что привело к окончательному распаду правой фракции, из которой вышла группа «независимых правых» во главе с князем Б. А. Голицыным, весьма критически настроенная по отношению к правительству. У Н. Е. Маркова 2-го во фракции осталось около 20 человек [17, с. 384]. С такими силами противостоять Прогрессивному блоку в стенах Таврического дворца было невозможно. Идея же роспуска IV Думы, выдвинутая правыми, не нашла поддержки правительства.

К началу 1917 г. монархисты в Думе (и не только) были деморализованы и дезорганизованы. С исторической сцены они были сметены бурей Февральской революции. «Мы все уничтожены, мы фактически разгромлены...» — так оценивал эти события Н. Е. Марков [38, с. 191].

Заключение

Изначально весьма скептически настроенные к парламентаризму и представительным органам правые тем не менее приняли активное участие в думских избирательных кампаниях. При этом количество правых депутатов в Государственной думе увеличивалось от выборов к выборам. Начав с полного поражения в первой думской избирательной кампании, добившись невнятного результата во второй, после третьеиюньского государственного переворота правые всех оттенков получали около $\frac{1}{3}$ депутатских мест в Государственной думе третьего и четвертого созывов.

Причины неудач правых в двух первых избирательных кампаниях заключались в нехватке денежных средств, которыми в большом количестве обладали их оппоненты из

либерально-конституционного лагеря; явном недостатке «интеллигентных сил» и отсутствии у монархистов популярных общественных деятелей (близкий к ним дворцовый комендант В. А. Дедюлин, сравнивая левых и правых, утверждал: «На той стороне таланты, образование, знание, а на этой стороне кроме хулиганства и невежества нет ничего...» [14, с. 24]) и, наконец, явном количественном и качественном превосходстве оппозиционной прессы над «рептильной» правой.

Всему этому монархисты могли противопоставить только достаточно широкую поддержку социальных низов (крестьян, рабочих, мещан), которая в силу особенностей Виттевского избирательного закона не могла быть конвертирована в места на скамьях в думском зале Таврического дворца.

К третьей думской избирательной кампании ситуация несколько поменялась. Во-первых, усталость населения от революционных потрясений и окончание Первой русской революции несколько изменили политические предпочтения населения. Консервативные лозунги «законность» и «порядок» вновь стали востребованы. Во-вторых, новый избирательный закон, давая еще больше преимуществ «цензовым» классам, позволял правым рассчитывать на успех по землевладельческой курии, а ликвидация процедуры самостоятельного выбора крестьянами своего депутата в губернском избирательном собрании буквально толкала крестьян в объятия землевладельцев (помещиков и священнослужителей), естественно при полном главенстве последних. И наконец, на политическую сцену выходят умеренно правые (националисты), имевшие и денежные средства, и «интеллигентные силы», и в придачу безоговорочную поддержку правительства. Выборы в четвертую Думу сопровождались еще более откровенным использованием административного ресурса, что позволило правым несколько улучшить предыдущий результат.

Однако добиться победы и получить большинство мест в Думе правым так и не удалось. Они не сумели переломить ситуацию на информационном фронте, а их скромные предвыборные лозунги, обусловленные консервативной парадигмой идеологии монархистов, не могли соперничать с популистскими лозунгами оппозиции, не скупившейся на обещания. Со временем отсутствие приемлемого для народных масс решения аграрного и рабочего вопросов оттолкнуло от правых значительную часть социальных низов, а стать мажоритарной партией, опираясь на одни цензовые классы, было невозможно.

В Государственной думе первых двух созывов правые депутаты, в силу своей малочисленности, даже не пытались оказать влияние на ход законодательного процесса, стремясь лишь заявить о себе и, по мере возможности, дискредитировать «революционный» представительный орган. С принятием нового третьеиюньского избирательного закона ситуация изменилась. Получив около трети мест в Таврическом дворце, правые всех оттенков получили достаточно действенные рычаги воздействия на работу Думы, заставляя порой и правительство, и проправительственную фракцию октябристов искать с ними компромиссы. При этом П. А. Столыпин сразу после начала работы III Думы сумел расколоть правых, выделив из их рядов умеренно правую, а затем и национальную фракции, впоследствии объединившиеся под названием последней. Однако даже вместе с националистами октябристы не имели устойчивого большинства, и его «блокирующий пакет» по-прежнему оставался в руках правой фракции, чем последняя регулярно пользовалась. В IV Государственной думе правые всех оттенков имели наибольшее количество представителей, однако многочисленные внутри- и межфракционные конфликты, а также противостояние с правительством заметно ослабили сторонников самодержавия в стенах Таврического дворца.

В годы Первой мировой войны процесс ослабления правых фракций в Думе продолжился. С одной стороны, это было вызвано отказом от политической борьбы («священное

единение»), с другой — переориентаций монархистов на практическую деятельность по оказанию помощи фронту, сделавшей их лидеров нечастыми гостями на парламентских слушаниях. Активизация либеральной части Думы, объявившей после неудач на фронте «патриотическую тревогу», не привела к ответному сплочению рядов думских монархистов. Наоборот, часть националистов ушла в созданный в августе 1915 г. оппозиционный Прогрессивный блок, получивший большинство, а ряды собственно правой фракции заметно поредели вследствие очередного раскола. В условиях ослабления монархической власти и падения ее авторитета правые в Думе продолжали сдавать позицию за позицией, их окончательный крах в российском парламенте предвещал падение самодержавия.

Список источников

1. Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М. : Политиздат, 1991. 286 с.
2. Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М. : Новости, 1990. 608 с.
3. Витте С. Ю. Воспоминания : в 3 т. Т. 3. М. : Соцэкгиз, 1960. 723 с.
4. Выборы в Государственную Думу Третьего созыва. Статистический отчет особого делопроизводства. СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1911. XXXVIII, 283 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37.
7. ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 121.
8. Демин В. А. Государственная дума Российской империи: механизм функционирования. М. : РОССПЭН, 1996. 216 с.
9. Джунковский В. Ф. Воспоминания : в 2 т. Т. 2. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 686 с.
10. Дорошенко А. А. Правые в Государственных думах Российской империи : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. 259 с.
11. Заславский Д. И. Рыцарь черной сотни В. В. Шульгин. Л. : Былое, 1925. 72 с.
12. Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870—1920). М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2011. 448 с.
13. Иванов А. А. Джентльмен с повадками змеи: современники о думском дебюте Василия Шульгина // Вестник МГПУ. Сер. Исторические науки. 2024. № 4 (56). С. 89—101. DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-89-101.
14. Иванов А. А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 204 с.
15. Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914—1917). М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013. 520 с.
16. Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб. : Владимир Даль, 2024. 735 с.
17. Иванов А. А. Правые фракции в Государственной думе // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века. М. : РОССПЭН, 2010. С. 382—385.
18. Иванов А. А., Ковалева Е. О. Деятельность архимандрита Виталия (Максименко) на Волыни: политический экстремизм или противодействие стихийному радикализму? // Вестник МГПУ. Сер. Исторические науки. 2023. № 2 (50). С. 46—64. DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.04.
19. Ивановский листок. 1907. 9 июня. № 124.
20. Иорданский Н. М. Кое-что из пережитого // Отечественная история. 1998. № 1. С. 142—156.
21. Киевские епархиальные ведомости. 1912. 8 янв. № 1. Часть неофициальная.
22. Киреев А. Голос старого славянофила // Мирный труд. 1907. № 8—9. С. 249—256.
23. Киселев И. П., Корелин А. П., Шелохаев В. В. Политические партии в России в 1905—1907 гг.: численность, состав, размещение // История СССР. 1990. № 4. С. 71—87.
24. Ковалева Е. О. «Президент Почаевской республики». Архимандрит Виталий (Максименко) глазами современников // Вестник МГПУ. Сер. Исторические науки. 2024. № 2 (54). С. 31—45. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.03.
25. Коковцов В. Н. Из моего прошлого (1903—1919): Воспоминания. Минск : Харвест, 2004. 896 с.
26. Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М. : РОССПЭН, 2001. 525 с.
27. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 27. М. : Изд-во политической литературы, 1969. 668 с.

28. Локоть Т. В. Первая Дума: статьи, заметки и впечатления бывшего члена Государственной Думы. М. : Польза, 1906. 366 с.
29. Малышева О. Г. Избирательная система и практика России в период Думской монархии 1905—1917. М. : Квадрига, 2018. 240 с.
30. Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. 704 с.
31. Милюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1. М. : Современник, 1990. 446 с.
32. Московские ведомости. 1906. 9 апр. № 92.
33. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 2. Мюнхен : Издание о-ва распространения русской национальной и патриотической литературы, 1949. 260 с.
34. Омелянчук И. В. Взгляды монархистов на русско-германские отношения в начале XX в. // Вестник МГПУ. Сер. Исторические науки. 2024. № 2 (54). С. 60—79. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.05.
35. Омелянчук И. В. «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 124—139. DOI: 10.31857/S086956870013449-4.
36. Омелянчук И. В. Парламентаризм в идеологии российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 13—35.
37. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901—1914 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. 901 с.
38. Падение царского режима. М. ; Л. : Госиздат, 1926. 418 с.
39. Первый год жизни Четвертой Государственной Думы. СПб. : Тип. З. Соколинского, 1913. 32 с.
40. Правые партии : документы и материалы : в 2 т. Т. 1. 1905—1910 гг. М. : РОССПЭН, 1998. 720 с.
41. Правые партии : документы и материалы : в 2 т. Т. 2. 1911—1917 гг. М. : РОССПЭН, 1998. 816 с.
42. Пуришкевич В. В дни бранных бурь и непогоды. Т. 1. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1912. 525 с.
43. Пуришкевич В. Думские записки // Мирный труд. 1907. № 5. С. I—VIII.
44. Ромов Р. Б. На «совете нечестивых»: Государственная дума в оценках правых депутатов (1907—1912) // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2004. Ч. 2. С. 103—125.
45. Ромов Р. Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907—1912) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 30 с.
46. Русская правда. 1909. 20 марта.
47. Русское знамя. 1906. 27 окт.
48. Русское знамя. 1906. 21 нояб.
49. Русское знамя. 1906. 6 дек.
50. Русское знамя. 1907. 9 янв.
51. Русское знамя. 1907. 20 янв.
52. Русское знамя. 1907. 27 марта.
53. Русское знамя. 1907. 9 июня.
54. Русское знамя. 1907. 13 июня.
55. Русское знамя. 1909. 25 сент.
56. Русское знамя. 1912. 7 июня.
57. Русское знамя. 1912. 17 июля.
58. Русское знамя. 1914. 1 янв.
59. Санькова С. М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального Союза (1908—1917). Орел : Издат. Светлана Зенина, 2006. 370 с.
60. Сборник клуба русских националистов. Вып. 4—5. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1913. 421 с.
61. Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 4. М. : Русская печатня, 1910. 410 с.
62. Соколов В. П. Страшная правда: обзор управления П. А. Столыпина. СПб. : Отечественная типография, 1907. 18 с.
63. Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906—1914). М. : РОССПЭН, 2011. 511 с.
64. Соловьев Ю. Б. Стратегия самодержавия и состояние политических сил на местах в период выборов в IV Думу // Непролетарские партии России в трех революциях. М. : Наука, 1989. С. 88—95.
65. Степанов С. А. Черная сотня. 2-е изд. доп. и перераб. М. : ЭКСМО : Яуза, 2005. 544 с.
66. Третий Всероссийский съезд Русских людей в Киеве : протоколы. Киев, 1906. 231 с.
67. Тюремная одиссея Василия Шульгина: материалы следственного дела и дела заключенного / сост., вступ. ст. В. Г. Макарова, А. В. Репникова, В. С. Христофорова ; коммент. В. Г. Макарова, А. В. Репникова. М. : Книжница : Русский путь, 2010. 480 с.
68. Центральный государственный архив Украины в г. Киеве. Ф. 442. Оп. 658. Д. 95. Ч. 5.
69. Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма. 3-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1974. 446 с.

70. Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900—1917. М. : Крафт+ : Ин-т Русской цивилизации, 2008. 640 с.
71. Черников Н. Внутреннее обозрение // Мирный труд. 1906. № 7. С. 211—220.
72. Черников Н. Внутреннее обозрение // Мирный труд. 1906. № 8. С. 208—220.
73. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Четвертый созыв 1912—1917 гг. / сост. М. М. Боиович. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1913. 456 с.
74. Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М. : Новости, 1990. 851 с.
75. Юрский Г. Правые в Третьей Думе. Харьков : Издание Центрального выборного комитета объединенных русских людей, 1912. 254 с.
76. Rawson Don C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 286 p.

References

1. Avrekh A. Ya. P. A. *Stolypin i sud'by reform v Rossii* [P. A. Stolypin and the fate of reforms in Russia]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 286 p. (In Russian)
2. Bogdanovich A. V. *Tri poslednikh samoderzhtsa. Dnevnik* [The last three autocrats. Diary]. Moscow, Novosti Publ., 1990. 608 p. (In Russian)
3. Vitte S. Yu. *Vospominaniya: v 3 t. T. 3* [Memories. In 3 vols. Vol. 3]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1960. 723 p. (In Russian)
4. *Vybory v Gosudarstvennuyu Dumu Tret'ego sozyva. Statisticheskii otchet osobogo deloproizvodstva* [Elections to the State Duma of the Third Convocation. Statistical report of special office work]. St. Petersburg, Tip. Min-va vnutr. del Publ., 1911. XXXVIII, 283 p. (In Russian)
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archives of the Russian Federation] (GARF). F. 116. Op. 1. D. 1.
6. GARF. F. 116. Op. 1. D. 37.
7. GARF. F. 117. Op. 1. D. 121.
8. Demin V. A. *Gosudarstvennaya дума Rossiiskoi imperii: mekhanizm funktsionirovaniya* [The State Duma of the Russian Empire: the mechanism of functioning]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 216 p. (In Russian)
9. Dzhunkovskii V. F. *Vospominaniya: v 2 t. T. 2* [Memoirs. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh Publ., 1997. 686 p. (In Russian)
10. Doroshenko A. A. *Pravye v Gosudarstvennykh dumakh Rossiiskoi imperii: dis. ... kand. ist. nauk* [The Rightists in the State Dumas of the Russian Empire. Cand. Dis.]. Samara, 2002. 259 p. (In Russian)
11. Zaslavskii D. I. *Rytsar 'chernoï sotni V. V. Shul'gin* [Knight of the Black Hundred V. V. Shulgin]. Leningrad, Byloe Publ., 1925. 72 p. (In Russian)
12. Ivanov A. A. *Vladimir Purishkevich: opyt biografii pravogo politika (1870—1920)* [Vladimir Purishkevich: an attempt at biography of a right-wing politician (1870—1920)]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2011. 448 p. (In Russian)
13. Ivanov A. A. *Dzhentl'men s povadkami zmei: sovremenniki o dumskom debute Vasiliya Shul'gina* [A gentleman with the habits of a snake: contemporaries on Vasily Shulgin's дума debut]. *Vestnik MGPU. Ser. Istoricheskie nauki — MCU Journal of Historical Studies*, 2024, no. 4 (56), pp. 89—101. DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-89-101. (In Russian)
14. Ivanov A. A. *Poslednie zashchitniki monarkhii: Fraktsiya pravyykh IV Gosudarstvennoi dумы v gody Pervoi mirovoi voyny (1914 — fevral' 1917)* [The last defenders of the monarchy. The right faction of the IV State Duma during the First World War (1914 — February 1917)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 204 p. (In Russian)
15. Ivanov A. A. *Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krakhu (1914—1917)* [The Rightists in the Russian Parliament: From crisis to collapse (1914—1917)]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2013. 520 p. (In Russian)
16. Ivanov A. A. *Pravye partii Rossiiskoi imperii* [Right-wing parties of the Russian Empire]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2024. 735 p. (In Russian)
17. Ivanov A. A. *Pravye fraktsii v Gosudarstvennoi dume* [Right-wing factions in the State Duma]. *Russkii konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka* [Russian conservatism of the mid-18 — early 20th centuries]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 382—385. (In Russian)
18. Ivanov A. A., Kovaleva E. O. *Deyatel'nost' arhimandrita Vitaliya (Maksimenko) na Volyni: politicheskii ekstremizm ili protivodeistvie stikhiinomu radikalizmu?* [Activities of archimandrite Vitaly (Maksimenko) in Volynia: political extremism or counteraction of spontaneous radicalism?]. *Vestnik MGPU. Ser. Istoricheskie*

nauki — *MCU Journal of Historical Studies*, 2023, no. 2 (50), pp. 46—64. DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.04. (In Russian)

19. *Ivanovskii listok*, 1907, June 9, no. 124. (In Russian)
20. Iordanskii N. M. Koe-cto iz perezhitogo [Some of the experiences]. *Otechestvennaya istoriya*, 1998, no. 1, pp. 142—156. (In Russian)
21. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*, 1912. Jan. 8, no. 1. Part neofitsial'naya. (In Russian)
22. Kireev A. Golos starogo slavyanofila [Voice of the old slavophile]. *Mirnyi trud*, 1907, no. 8—9, pp. 249—256. (In Russian)
23. Kiselev I. P., Korelin A. P., Shelokhaev V. V. Politicheskie partii v Rossii v 1905—1907 gg.: chislennost', sostav, razmeshchenie [Political parties in Russia in 1905—1907. Number, composition, location]. *Istoriya SSSR*, 1990, no. 4, pp. 71—87. (In Russian)
24. Kovaleva E. O. “Prezident Pochaevskoi respubliki”. Arkhimandrit Vitalii (Maksimenko) glazami sovremennikov [“President of the Pochaev republic”. Archimandrite Vitaly (Maksimenko) through the eyes of his contemporaries]. *Vestnik MGPU. Ser. Istoricheskie nauki* — *MCU Journal of Historical Studies*, 2024, no. 2 (54), pp. 31—45. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.03. (In Russian)
25. Kokovtsov V. N. *Iz moego proshlogo (1903—1919): Vospominaniya* [From my past (1903—1919). Memories]. Minsk, Kharvest Publ., 2004. 896 p. (In Russian)
26. Kotsyubinskii D. A. *Russkii natsionalizm v nachale XX stoletiya: Rozhdenie i gibel' ideologii Vserossiiskogo natsional'nogo soyuza* [Russian nationalism at the beginning of the twentieth century. The birth and death of the ideology of the All-Russia National Union]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 525 p. (In Russian)
27. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii. 5-e izd. T. 27* [Complete works. 5th ed. Vol. 27]. Moscow, Izd-vo politicheskoi literatury Publ., 1969. 668 p. (In Russian)
28. Lokot' T. V. *Pervaya Duma: stat'i, zametki i vpechatleniya byvshego chlena Gosudarstvennoi Dumy* [The First Duma: articles, notes and impressions of a former member of the State Duma]. Moscow, Pol'za Publ., 1906. 366 p. (In Russian)
29. Malysheva O. G. *Izbitatel'naya sistema i praktika Rossii v period Dumskoi monarkhii 1905—1917* [The electoral system and practice of Russia during the Duma monarchy 1905—1917]. Moscow, Kvadriga Publ., 2018. 240 p. (In Russian)
30. Markov N. E. *Dumskie rechi. Voiny temnykh sil* [Duma speeches. Wars of the dark forces]. Moscow, In-t russkoi tsivilizatsii Publ., 2011. 704 p. (In Russian)
31. Milyukov P. N. *Vospominaniya (1859—1917). T. 1* [Memoirs (1859—1917). Vol. 1]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 446 p. (In Russian)
32. *Moskovskie vedomosti*, 1906, Apr. 9, no. 92. (In Russian)
33. Ol'denburg S. S. *Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II. T. 2* [The reign of emperor Nicholas II. Vol. 2]. Munich, Izdanie o-va rasprostraneniya russkoi natsional'noi i patrioticheskoi literatury Publ., 1949. 260 p. (In Russian)
34. Omel'yanchuk I. V. Vzglyady monarkhistov na russko-germanskiiye otnosheniya v nachale XX v. [Monarchists' views on Russian-German relations at the beginning of the XX century]. *Vestnik MGPU. Ser. Istoricheskie nauki* — *MCU Journal of Historical Studies*, 2024, no. 2 (54), pp. 60—79. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.05. (In Russian)
35. Omel'yanchuk I. V. “Dom, razdelivshiisya v sebe”: raskol Soyuz russkogo naroda [“The house divided against itself”. Split of The Union of the Russian People]. *Rossiiskaya istoriya*, 2021, no. 1, pp. 124—139. DOI: 10.31857/S086956870013449-4. (In Russian)
36. Omel'yanchuk I. V. Parlamentarizm v ideologii rossiiskikh konservatorov nachala XX v. [Parliamentarism in the ideology of Russian conservatives of the early 20th century]. *Voprosy istorii*, 2015, no. 2, pp. 13—35. (In Russian)
37. Omel'yanchuk I. V. *Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901—1914 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk* [The Black Hundred movement in the Russian Empire (1901—1914). Dr. Dis.]. Voronezh, 2006. 901 p. (In Russian)
38. *Padenie tsarskogo rezhima* [The fall of the tsarist regime]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1926. 418 p. (In Russian)
39. *Pervyi god zhizni Chetvertoi Gosudarstvennoi Dumy* [The First Year of the Fourth State Duma]. St. Petersburg, Tip. Z. Sokolinskogo Publ., 1913. 32 p. (In Russian)
40. *Pravye partii: dokumenty i materialy: v 2 t. T. 1. 1905—1910 gg.* [Right-wing parties. Documents and materials. In 2 vols. Vol. 1. 1905—1910]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 720 p. (In Russian)
41. *Pravye partii: dokumenty i materialy: v 2 t. T. 2. 1911—1917 gg.* [Right-wing parties. Documents and materials. In 2 vols. Vol. 2. 1911—1917]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 816 p. (In Russian)

42. Purishkevich V. *V dni brannykh bur' i nepogody. T. 1* [In the days of battle storms and bad weather. Vol. 1]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina Publ., 1912. 525 p. (In Russian)
43. Purishkevich V. Dumskie zapiski [Duma notes]. *Mirnyi trud*, 1907, no. 5, pp. I—VIII. (In Russian)
44. Romov R. B. Na "soвете nechestivyykh": Gosudarstvennaya дума v otsenkakh pravyykh deputatov (1907—1912) [At the "council of the wicked": The State Duma in the assessments of right-wing deputies (1907—1912)]. *Konservativizm v Rossii i mire: v 3 ch.* [Conservatism in Russia and the world. In 3 parts]. Voronezh, Voronezhskii gos. un-t Publ., 2004, part 2, pp. 103—125. (In Russian)
45. Romov R. B. *Fraktsiya pravyykh v III Gosudarstvennoi dume (1907—1912): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The faction of the rights in the III State Duma (1907—1912). Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 2003. 30 p. (In Russian)
46. *Russkaya Pravda*, 1909. March 20. (In Russian)
47. *Russkoe zname*, 1906. Oct. 27. (In Russian)
48. *Russkoe zname*, 1906. Nov. 21. (In Russian)
49. *Russkoe zname*, 1906. Dec. 6. (In Russian)
50. *Russkoe zname*, 1907. Jan. 9. (In Russian)
51. *Russkoe zname*, 1907. Jan. 20. (In Russian)
52. *Russkoe zname*, 1907. March 27. (In Russian)
53. *Russkoe zname*, 1907. June 9. (In Russian)
54. *Russkoe zname*, 1907. June 13. (In Russian)
55. *Russkoe zname*, 1909. Sept. 25. (In Russian)
56. *Russkoe zname*, 1912. June. 7. (In Russian)
57. *Russkoe zname*, 1912. July 17. (In Russian)
58. *Russkoe zname*, 1914. Jan. 1. (In Russian)
59. San'kova S. M. *Russkaya partiya v Rossii: Obrazovanie i deyatelnost' Vserossiiskogo natsional'nogo Soyuza (1908—1917)* [The Russian party in Russia: formation and activities of the All-Russia National Union (1908—1917)]. Orel, Izdat. Svetlana Zenina Publ., 2006. 370 p. (In Russian)
60. *Sbornik kluba russkikh natsionalistov. Vyp. 4—5* [Collection of the Russian Nationalists' Club. Iss. 4—5]. Kiev, Tip. S. V. Kul'zhenko Publ., 1913. 421 p. (In Russian)
61. *Sobranie statei V. A. Gringmuta. Vyp. 4* [Collection of articles by V. A. Gringmut. Iss. 4]. Moscow, Russkaya pechatnya Publ., 1910. 410 p. (In Russian)
62. Sokolov V. P. *Strashnaya pravda: obzor upravleniya P. A. Stolypina* [The terrible truth. A review of P. A. Stolypin's management]. St. Petersburg, Otechestvennaya tipografiya Publ., 1907. 18 p. (In Russian)
63. Solov'ev K. A. *Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii: mekhanizmy vzaimodeistviya (1906—1914)* [Legislative and executive power in Russia. Mechanisms of interaction (1906—1914)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 511 p. (In Russian)
64. Solov'ev Yu. B. *Strategiya samodержaviya i sostoyanie politicheskikh sil na mestakh v period vyborov v IV Dumu* [The Strategy of autocracy and the state of political forces at the local level during the elections to the IV Duma]. *Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyutsiyakh* [Non-proletarian parties of Russia in three revolutions]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 88—95. (In Russian)
65. Stepanov S. A. *Chernaya sotnya. 2-e izd. dop. i pererab.* [The Black Hundred. 2nd ed. suppl. and rev.]. Moscow, EKSMO Publ., Yauza Publ., 2005. 544 p. (In Russian)
66. *Tretii Vserossiiskii s'ezd Russkikh lyudei v Kieve: protokoly* [The Third All-Russia Congress of Russian people in Kyiv. Protocols]. Kiev, 1906. 231 p. (In Russian)
67. *Tyuremnaya odissey Vasiliya Shul'gina: materialy sledstvennogo dela i dela zaklyuchennogo* [The prison odyssey of Vasily Shulgin. Materials of the investigative case and the case of the prisoner]. Moscow, Knizhnitsa, Russkii put' Publ., 2010. 480 p. (In Russian)
68. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Ukrainy v g. Kieve* [The Central State Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 442. Op. 658. D. 95. Ch. 5. (In Russian)
69. Chermenskii E. D. *Istoriya SSSR. Period imperializma. 3-e izd.* [History of the USSR. The Period of Imperialism. 3rd ed.]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. 446 p. (In Russian)
70. *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya. 1900—1917* [Black Hundreds. Historical Encyclopedia. 1900—1917]. Moscow, Kraft+ Publ., In-t Russkoi tsivilizatsii Publ., 2008. 640 p. (In Russian)
71. Chernikov N. Vnutrennee obozrenie [Internal review]. *Mirnyi trud*, 1906, no. 7, pp. 211—220. (In Russian)
72. Chernikov N. Vnutrennee obozrenie [Internal review]. *Mirnyi trud*, 1906, no. 8, pp. 208—220. (In Russian)
73. *Chleny Gosudarstvennoi Dumy (portrety i biografii). Chetvertyi sozyv 1912—1917 gg.* [Members of the State Duma (portraits and biographies). Fourth convocation 1912—1917]. Moscow, Tip. t-va I. D. Sytina Publ., 1913. 456 p. (In Russian)

74. Shul'gin V. V. *Gody. Dni*. 1920 [Years. Days. 1920]. Moscow, Novosti Publ., 1990. 851 p. (In Russian)
75. Yurskii G. *Pravye v Tret'ei Dume* [Rightists in the Third Duma]. Kharkov, Izdanie Tsentral'nogo vybornogo komiteta ob"edinennykh russkikh lyudei Publ., 1912. 254 p. (In Russian)
76. Rawson Don C. *Russian Rightists and the Revolution of 1905*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. 286 p.

Информация об авторе

И. В. Омелянчук — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

I. V. Omelyanchuk — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 17.02.2025; одобрена после рецензирования 16.03.2025;
принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 17.02.2025; approved after reviewing 16.03.2025;
accepted for publication 20.05.2025